

МУСИНА ЖИЗНЬ

У Муси была хорошая жизнь — с имуществом, едой и Большой. Имущество было богатым. Много ценных и замечательных вещей, но главное — собственное кресло. Мягкое, с подушечкой. А рядом на диване всегда сидела Большая. На Мусино кресло с подушечкой она не претендовала. Даже если с него удобнее было смотреть на яркую мигающую картинку, Большая в кресло ни за что не садилась. Понимала, что это место хозяйское. С едой вообще проблем не было никогда. Тут тебе и молочко, и рыбка, и сухие вкусные кусочки, и мяско с любимой подливкой — словом, не пересказать. Слюной захлебнешься. Но главный подарок судьбы — Большая. Она служила Мусе преданно и самозабвенно. И то и се, и приласкать, и почесать. И подушечку взбить. Стоило Мусе только мякнуть, как Большая тут как тут. Чего тебе, Мусенька-красавица, надо? Кстати, да. Муся еще

и красавица. Большая ей каждый день говорила, но Муся и сама знала: прелесть ее удивительна и бесподобна! Вся черненькая и пушистенькая, а лапки и воротничок на шейке — белые. Вот какая!

Хорошая жизнь закончилась неожиданно и как-то так, что Муся ничего не поняла. Однажды утром она не нашла в своей тарелочке еды, пофыркала и пошла искать Большую. Та лежала на диване и готовить еду не собиралась. Муся сначала тихо, а потом все настойчивее стала требовать свое, но что она ни делала, Большая так и не встала. Потом по дому затопали какие-то чужие ноги, и Муся, чтобы не разозлиться окончательно, выскользнула на лестницу и сбежала вниз. Гулять Муся любила возле лавочки, на которой часто сиживала Большая. Непонятные и странные события утра немного напугали Мусю, поэтому подняться домой она решила, только когда все затихло и ноги ушли. Сидя на коврике у двери, Муся долго просила Большую впустить ее. Но дверь так и не открылась. Это было неслыханно.

Ночь Муся провела на коврике, просыпаясь каждый раз, когда слышала шаги. Но это были чужие шаги. Большая не возвращалась.

Утром Муся еще долго звала под дверь. Дверь была родная и пахла восхитительно, за ней ждали любимое кресло, подушечка, таре-

лочка и другие чудесные вещи и запахи. Все находилось рядом, стоило лишь приоткрыть щелочку, но за дверью было тихо.

Муся не знала, что и думать. Куда подевалась Большая? Почему она не приходит служить, кормить и ухаживать? Муся злилась, фыркала, но постепенно ее существо заполнило другое, ранее неведомое чувство. Оно было крайне неприятное. От него у Муси внутри все сжималось, а в животе становилось холодно и тоскливо.

Придавленная новыми ощущениями, Муся даже забыла на время, что голодна, но вечером ей все же пришлось отправиться на поиски пропитания. Стараясь не удаляться далеко, Муся побегала по округе. Найти еду было непросто, конкуренция была высока. Дважды Муся что-то находила, но ее прогоняли уличные коты. Муся не считала себя пугливой, но коты были такие страшные и злобные, что ничего не оставалось, как только пулей бежать и прятаться под спасительной скамеечкой у подъезда.

Вечером голодная Муся хотела вернуться на свой коврик, но входная дверь оказалась заперта. Ночь пришлось провести под лавкой. Было холодно, Муся дрожала, но не уходила, продолжая звать свою Большую. Она не могла поверить, что ее хорошая жизнь закончилась.

Много тоскливых дней и ночей провела Муся на улице. Становилось все холоднее, ча-

сто шел дождь. Землю усыпали разноцветные листья-шуршавчики, ветер шевелил их, они бежали по дорожкам, совсем как красивые бумажки, которые Большая привязывала к ниточке, и Муся ловила их, играя и резвясь.

Теперь было совсем не весело, но грязная и отощавшая от такой жизни Муся все-таки пыталась надеяться, что голод и тоска не навсегда. Не может быть, чтобы навсегда.

Довольно долго Муся училась находить еду. Даже пыталась ловить воробьев. Иногда это удавалось, но чаще приходилось довольствоваться обедками с помойки. Брезгливая Муся поначалу страдала, но все же хищник в ней постепенно пробуждался.

Хорошая жизнь отодвигалась все дальше, но цепкая память не отпускала. Несколько раз Мусе удавалось попасть в свой подъезд. Коврик был на месте. Дверь все так же закрыта. И все такое же холодное молчание за ней.

В один из неожиданно теплых дней Муся, выслеживая птицу, забралась по веткам на козырек своего подъезда. Наблюдая за добычей, она крадась по толстой трубе под окнами. Вдруг что-то словно толкнуло ее. Муся замерла. Нос втянул знакомый запах — сильный и совсем свежий. Муся перелезла на подоконник и заглянула в окно. Перед ней была ее комната. Там никого не было, но кресло все так же стояло у стены, и

на нем лежала подушечка. Муся оторопела. Как могло случиться, что ее дом так близко? Стекло было холодное. Муся понюхала его и осторожно поскреблась. Запах шел сверху. Муся пригляделась. Наверху в окне была дыра. Большая редко открывала окно, боялась сквозняков и воров, но сейчас вот она — возможность попасть домой, в свою полузабытую жизнь! Большая ждет внутри, поняла Муся. Напружинив тело, она вскочила в окно и спрыгнула на подоконник.

Все, буквально все было по-прежнему! Имущество цело. А еда? Муся бросилась на кухню к своей тарелке. Тарелка стояла на том же месте, полная молока!

Муся жадно пила, вздрагивая всем телом. Молока она не пробовала с того ужасного дня!

Вылизав блюдце, Муся поискала, нет ли чего-нибудь еще. Но больше ничего не было. И тут Муся почувствовала, как кто-то поднимает ее с пола. Большая? Нет! Чужой запах, другие руки!

— Попалась! — сказал незнакомый голос.

Муся замерла.

БЕГЛЯНКА

Всю дорогу до Питера Агата находилась в полубморочном состоянии. Предполагалось, что без малого суток хватит, чтобы все продумать. Как ночью добраться до дома бабушки Наты, где Агата ни разу не была, раздобыть ключи, попасть в квартиру. Потом решить, что делать, потому как кто виноват, она знала и так. Вопрос, на что жить, тоже был весьма актуален, и подумать над ним опять же надо было в дороге.

Казалось, Агата весь путь напряженно раздумывала и что-то вроде придумала, но выяснилось, что мысли просто являлись перед ней в какой-то душевной полудреме, потом исчезали, сменяясь другими, путаное сознание переключалось на воспоминания минувшего дня и как бешеное крутилось на месте вхолостую. Когда поезд втянулся на перрон и Агата, старательно пересиливая боль во всем теле, вышла из вагона, стало понятно, что время потрачено бездарно.

На автомате она дошла до площади Восстания и наконец просто застыла в ступоре на тротуаре.

Сознание включилось на десятой минуте великого стояния. Дальше Агата действовала быстро и, как ей казалось, довольно собранно. Таксист молча кивнул, ловко вырулил на Невский, уверенно и недолго покрутился по ночным улицам и остановился перед огромным каменным домом. Через арку Агата попала в маленький двор. Подъезд был закрыт.

В другое время Агата долго мялась бы, стесняясь будить людей ночью, но сейчас, издерганная и уставшая, мучаясь от боли во всем теле, решительно набрала на замке восьмерку. Пиликало так долго, что Агата начала впадать в отчаяние. Наконец хриплый голос спросил «кто?» и закаплял.

— Извините, пожалуйста, — проблеяла Агата, — я за ключом от пятнадцатой квартиры. Я Агата Вечер. Вам звонила бабушка Фая. Фаина Вечер.

— Кому вечер, а кому ночь давно, — просипел голос.

— Это фамилия. Мы родственники бабушки Наты. Я с поезда. Мне ключи нужны. Не пугайтесь, ради бога.

— По ночам звонят, а ты не пугайся! Заходи. Дверь открылась.

На пороге восьмой квартиры стоял щуплый дедок в семейных трусах и фуфайке.

— Ты, что ли, добрый вечер?

Агата согласилась, что да, она — добрый вечер. Дедок прищурился и оглядел посетительницу с головы до ног.

— Держи ключи. Этот от подъезда, эти четыре от квартиры. Наталья воров боялась, дверь у нее запиралась, как Форт-Нокс.

— Спасибо большое, — кланяясь образованному дедку, Агата взяла увесистую связку.

— Ага, бывай, добрый вечер. А чего это ты стремная такая? — в спину ей просипел дедок, но Агата уже ковыляла вниз по лестнице, вдохновленная тем, что все получилось так гладко.

Дверь квартиры бабушки Наты на втором этаже соседнего углового подъезда оказалась закрытой всего на один замок. И тут ей повезло. Агата вошла и нащупала выключатель. Свет зажегся сразу в коридоре и на кухне. Агата прошла в полутемную комнату и, стараясь не делать лишних движений, села на диван. Счастье. И диван нормальный. Все. Доехала.

Это была последняя внятная мысль. Через секунду путешественница спала сидя, уронив голову на спинку дивана.

Утром оказалось, что ночью она все-таки легла и даже чем-то укрылась.

Агата долго лежала, разглядывая комнату. Большая, с высокими потолками, тесно заставленная разномастной мебелью, она казалась тем-

ной. Агата с трудом закинула голову, чтобы рассмотреть окно. Шторы были задернуты. Значит, есть надежда на солнце. А это хорошо, когда хоть на что-то есть надежда. Худо, когда уже не надеешься ни на что, даже на то, что останешься жива. Но об этом думать было страшно.

— Я подумаю об этом завтра, — в лучших традициях классической литературы сказала себе Агата, повернулась к стене и снова провалилась в сон.

Вот она поднимается по фанерным, наспех сколоченным ступеням на пьедестал. Это Олимп. Площадка узкая и шаткая. Она стоит, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие. Надо играть хорошо, ведь она на сцене, все смотрят. Опозориться нельзя. Помост шатается, но Агата видит, что к ней на выручку уже спешит Олег. Он поднимается по ступеням и встает рядом. Агата вздыхает с облегчением и с улыбкой поворачивается к нему.

— Нааа, — рычит Олег, и в лицо ей летит крепкий кулак!

— На тебе, сука!

Голова откидывается вместе с телом, и она летит вниз!

Оп!

Агата резко села, пытаясь отдышаться. Комната немного покружилась у нее перед глазами и встала на место. Тело ломило немилосердно.

Где это она? Несколько секунд ушло на то, чтобы сориентироваться. Ну, ясно. Она в Питере на диване. А сколько, интересно, времени? Агата поискала глазами часы. Часы обнаружили на трюмо, но они стояли. Надо было включить телефон, но это было так страшно, что Агата долго не могла решиться. Телефон — источник опасности, как только он заработает, ее вычислят, найдут. ОН найдет и убьет ее. Новая симка была куплена на вокзале, старая сломана и выброшена, опасаться нечего, мама сходит с ума от неизвестности. Надо звонить.

Агата набрала номер и замерла от страха. Вдруг ОН уже там, и сейчас она услышит его вкрадчивый голос?

— Доню, сердце мое, ты где? — Мама сразу заплакала.

— Мама, все хорошо. Я доехала. Уже в квартире. Все хорошо. Ты в порядке? Ничего не случилось?

— Ничего, доню, никто не приходил и не звонил. Чем тебе помочь?

— Мамочка, не волнуйся. Давай долго говорить не будем. Я отдышусь и наберу тебя. Телефон этот не записывай, запомни четыре последние цифры. Будешь знать, что это я. После звонка сразу удаляй.

— У тебя деньги есть хоть сколько?

— Хоть сколько есть, ну а потом найду работу. Ты, главное, не паникуй.

— Агатушка, как же так вышло? — Мама рыдала в голос.

— Мам, давай не будем. Я в безопасности. Сейчас главное, чтобы ты была в порядке. Отпуск можешь взять? Если что, за свой счет. Поезжай к сестре. Поживешь там, пока все не утрясется. Все, мам, целую. Жди звонка. Соберись, прошу тебя.

Агата торопливо нажала на красный кружок на экране и прижала телефон ко лбу. Что делать? Как пережить этот кошмар? Бедная, одинокая мама!

Так. Стоп, машина! Даже не думай разогнаться! Знаешь ведь, что сама во всем виновата, чего ж ты тут распричиталась, доню моя? Давай начинай собирать себя по кусочкам для новой жизни!

Продолжая практиковаться в искусстве самовнушения, Агата с трудом, но встала и занялась делами. Первым пунктом значился осмотр квартиры. И тут ее ждал сюрприз. Ни душа, ни ванны в квартире не оказалось. Обнаружился набор разновеликих тазов и раковина на кухне. Где же мымоемся? А у ставка! А зимой? Та шо той зимы! Бормоча себе под нос, Агата попыталась включить газовую колонку. Удалось не сразу, но чудом было уже то, что в квартире все работало.